

УДК 303.01
ББК 66.01

Александр Анатольевич Шевченко,
доктор философских наук,
Институт философии и права СО РАН
(630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8),
e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

Реальность и индивид в современной политической философии

В статье рассмотрены два важных методологических концепта современной политической философии: политический реализм и методологический индивидуализм. Выделены основные точки расхождения политического реализма как философской позиции с популярными либеральными представлениями о сути политического, основанными на идеях мысленного эксперимента, гипотетического консенсуса и подчинении политики абстрактным представлениям о праве и морали. Делается вывод о том, что требование реализма в политике вовсе не освобождает политику от морали или права, а ставит новые проблемы, связанные со взаимоотношениями моральных, правовых и политических регулятивов в пространстве политического. В статье также рассмотрены роль и место индивидуального политического субъекта в современной политической философии. Показаны возможности и ограничения методологического индивидуализма как объяснительной схемы и как тезиса о приоритете индивидуальных прав над заботой об общем благе. Критически проанализирован тезис о кризисе субъектности и сформулированы ключевые условия для формирования политической субъектности, в частности, способность к коллективному действию и переход на позиции коллективной рациональности. Предложены также основания для различения моральной и политической субъектности при условии понимания политики как общественного блага.

Ключевые слова: политическое, политический реализм, политический субъект, моральный субъект, методологический индивидуализм, обязательства, общественное благо, коллективное действие.

Alexander Anatolyevich Shevchenko,
Doctor of Philosophy,
Institute of Philosophy and Law, SB RAS
(8 Nikolaev St., Novosibirsk, Russia, 630090),
e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

The Reality and Individual in Contemporary Political Philosophy

The paper examines two important methodological concepts of contemporary political philosophy: political realism and methodological individualism. The focus is on the points of divergence of political realism as a philosophical doctrine with popular views of political liberals on thought experiment, hypothetical consensus and subordination of the political to abstract legal and moral norms. The author concludes that the demand for realism in politics doesn't free it from morality and law but raises new problems related to the mechanism of generating politically based moral and legal requirements. The author also considers the role of the individual political subject in contemporary political philosophy. He shows the possibilities and limitations of methodological individualism as an explanatory framework and as a thesis about the priority of individual rights. The paper offers a critical analysis about the crisis of subjectivity and formulates the key conditions for the formation of political subjectivity such as the capacity for collective action and adoption of the position of collective rationality. The article also offers the grounds for distinguishing between moral and political subjectivity, provided that politics is understood as a public good.

Keywords: political, political realism, political subject, moral subject, methodological individualism, obligations, public good, collective action.

Любая философская теория содержит представления о реальности и её обитателях. Не является исключением и область политической философии. Предмет исследования данной статьи – два важнейших понятия, «реализм» и «индивидуализм», взятые в их методологической роли, как концепты, определяющие основные возможности политико-философского исследования.

Политический реализм как теоретическую позицию часто путают с «реальной политикой», этот теоретический термин пока ещё не стал общеупотребительным, несмотря на то, что довольно активно используется в теоретических дискуссиях о сути политического. «Реалполитик» в её классической форме – это отказ от моральных, религиозных или каких-либо идеологических соображений при определении государственной политики. При этом приоритет имеют государственные интересы, предмет политики – борьба за власть, а цель (в разумных пределах) оправдывает средства. Они могут включать широкой диапазон методов борьбы, включая насилие и манипуляцию. Такое понимание политики обычно связывают с наследием Н. Макиавелли, хотя сам термин *Realpolitik* был введён только в XIX веке немецким историком Августом Людвигом фон Рохау в книге «Основоположения реальной политики в применении к государственному состоянию Германии», опубликованной в 1853 г.

Нас же интересует другая тема – полемика внутри современной либеральной политической философии, тенденция к более «реалистическому» переосмыслению политики в теоретическом плане. Установку «политического реализма» разделяют довольно разные исследователи, не согласные как с основными положениями ведущих представителей либеральной политической философии (среди которых Дж. Ролз, Ю. Хабермас, Р. Дворкин и др.), так и с методологией философского исследования политики. Среди видных оппонентов можно встретить и некоторых бывших коммуитаристов (например, Б. Уильямса). Новый язык «политического реализма» позволяет, по мнению его сторонников, лучше формулировать свои возражения в отношении философской методологии современных либералов, в первую очередь, против наиболее одиозных, с их точки зрения, приёмов, таких как мысленный эксперимент

и гипотетический консенсус. В списке основных претензий: выхолащивание самой сути политического, подчинение политики внешним моральным и легальным нормам, которые полагаются приоритетными и игнорируют внутренние законы и основания политики, под которыми понимаются борьба и конфликт.

Самым очевидным показателем подчинённого и ущемлённого положения политики по сравнению с этикой могут, по их мнению, служить моральные и правовые понятия, используемые в философско-политическом дискурсе. Так, центральная идея Дж. Ролза о справедливости как первой добродетели общественных институтов уже может указывать на опасность подмены политической проблематики этической. Здесь важно отметить, что при любой трактовке этих моральных рамок и любой трактовке правового содержания сфера политического при таком понимании лишается самостоятельного значения, т.к. определяется «извне», посредством абстрактных моральных и правовых регулятивов. Именно это и лишает её подлинности, собственной реальности.

Первая задача сторонников политического реализма, таким образом, состоит в том, чтобы вернуть обсуждение к понятиям, в которых бы фиксировалась сущность именно политического, а не морального или легального, а также выразить основные отношения и основные характеристики политического субъекта в его сравнении с субъектом морали или права. Б. Уильямс именно так и определяет политический реализм – как ряд подходов, в которых основное внимание уделяется политической мысли как таковой. При этом оценочные стандарты допустимости тех или иных действий в сфере политики берутся не посредством апелляции к внешним этическим стандартам, а обнаруживаются в самой сфере политики [8, с. 77]. Он также высказывает и несколько тезисов о правильном, с его точки зрения, понимании политической философии: а) политическая философия не является ни прикладной этикой, ни разделом права. Она должна пользоваться собственным языком, в частности, такими центральными понятиями, как власть или легитимация; б) сама идея политического основывается на идее разногласия. При этом политические разногласия существен-

но отличаются от разногласий моральных; в) возможные политические разногласия включают разногласия в отношении политических ценностей. При обсуждении таких ценностей необходимо принимать во внимание их исторический характер; г) поскольку сущность политических отношений – это борьба и противостояние, очень важно то, как мы представляем себе, как мы конструируем нашего противника, оппонента [8, с. 77]. Таким образом, основным проявлением «ухода из политического» можно считать игнорирование собственно политического, переформулировку внутренней сути политики, попытку устранения из политики борьбы, конфликтов, антагонизмов.

Эту проблему фиксируют многие исследователи. Так, представительница феминизма Б. Хениг отмечает, что в текстах, написанных с самых разных позиций – республиканских, либеральных и коммунитаристских – есть общая предпосылка о том, что успех зависит от выхода из режима диссонанса, сопротивления, конфликта или борьбы. Политика ограничивается административными или регулятивными задачами достижения консенсуса, обеспечения соглашений или консолидацией сообществ или «идентичностей». Предполагается, что задача политической теории состоит в разрешении институциональных вопросов, в том, чтобы раз и навсегда установить правильную политику и, тем самым, покончить с ней, освободить субъектов от политического конфликта и нестабильности [7, с. 2].

Таким образом, стремление к реальному или гипотетическому консенсусу представляет собой утопический взгляд на политику и политическое и даёт неверное представление о политических субъектах. Важнейшая характеристика политического субъекта – способность к действию, но политическое действие является осмысленным лишь при условии, что мы мыслим этот мир как населённый самыми разными политическими субъектами (индивидуальными и коллективными), разделяющими разные взгляды на цели и смысл государства, его функции и способы реализации этих функций.

По нашему мнению, при всей правомерности отдельных аргументов и, возможно, общего пафоса сторонников политического реализма, «очищение» политики от этики всё же не представляется возможным. Аргументы сторонников политическо-

го реализма за возврат подлинно политического, не зависящего от внешних этических критериев и заранее заданных правовых целей, ведут не к избавлению политического от этического, а к изменению приоритетов. В этом случае не этические постулаты будут накладывать ограничения на политическое действие, а сущность политики, понимаемой как конфликт и борьба, будет порождать довольно специфическую политическую этику. При этом такая политическая этика, как показал опыт, скорее всего, будет базироваться на довольно безрадостных представлениях о природе человека и политическом мироустройстве.

Более убедительным кажется такое представление о соотношении морали и политики, когда мораль задаёт как рамки, так и фон обсуждений политического, ограничивая рамки возможного и предоставляя на выбор некоторые содержательные «пакеты» принципов, из которых и вырастет та или иная политическая философия. Кроме того, имеет смысл подчеркнуть нежелательность сведения как морального к политическому, так и политического к моральному. Границы между этими двумя сферами можно определить, например, по характеру и объёму лежащих на нас обязательств: «Ведь то, что мы должны друг другу в силу принадлежности к человеческому роду, нельзя сводить к тому, что мы должны друг другу как граждане одного государства или как члены одного исторически сложившегося культурного “мы-сообщества”, определяемого единством памяти и жизненного опыта» [2]. Специфика политических обязательств в их связи с моральным долгом традиционно не является популярной темой в отечественной философии, возможно, потому, что в марксизме «...социальная необходимость не носит характера обязательства, обоснована исключительно историческими обстоятельствами и протекающими из них социальными законами. Необходимость носит причинный, а не логический характер» [4, с. 42].

В любом случае, требование реализма в политике вовсе не освобождает политику от морали или права, а ставит новые проблемы, связанные как со спецификой политической субъектности, так и с механизмом порождения этических представлений «от политики», которые вполне могут быть обременены весьма пессимистическими предпосылками о сущности человеческой

природы, характере человеческих мотиваций и способности людей действовать коллективно и рационально. Возможно, такая картина этического и политического будет гораздо более реалистичной, однако за отказ от спекулятивно-нормативного этического рассуждения и политического конструирования тоже придётся заплатить.

Различия в понимании политического могут быть не только методологическими, но и содержательными. В европейской континентальной традиции (к которой, как мы полагаем, принадлежит и Россия) политика традиционно понимается как борьба за власть, и, соответственно, всё семантическое пространство политического формируется вокруг этого понятия. Политические субъекты делятся на друзей и врагов, политическая мораль имеет существенные отличия от морали общечеловеческой, центром политики полагается государство и представляющие его интересы институты. Борьба за власть определяет и конфигурирует политическое пространство, в котором у рядового, изолированного, не объединённого в группы или классы индивида нет особых шансов проявить свою политическую субъектность. В современной же англосаксонской традиции пространство политического формируется вокруг понятия «справедливость». Соответственно, именно эта моральная и политическая категория задаёт как возможности, так и ограничения на политическое действие. Другая особенность традиционной политической философии – жёсткое разделение публичного и частного [1]. При этом политическая жизнь отождествлялась именно с жизнью публичной, в то время как частная сфера оставалась на периферии внимания или становилась предметом философствования в области морали.

Однако и в частной сфере существуют острые ценностные конфликты по поводу полномочий и статусов, прав и обязанностей, проблемы справедливого распределения, конфликты вокруг отношений господства и подчинения. Частные заботы и проблемы индивида всё чаще попадают в центр внимания, в том числе и политических философов. Другой причиной внимания к индивиду в политической теории является то, что традиционные коллективные субъекты политики (группы, классы, нации, государства) вызывают всё меньше доверия, в том числе и по причине известных

трудностей, связанных с агрегированием индивидуальных интересов в единую «общую волю». Проблемы коллективного взаимодействия легко увидеть уже на самых простых теоретико-игровых моделях типа «дилеммы заключённого». Помимо этого, те качества, которых как правило ожидают от политического субъекта – разумность, осознанность, способность подчинять индивидуальный интерес коллективному и ограничивать политическое действие моральными рамками, требуют от человека свойств, которые неразрывно связаны с индивидуальной субъектностью – автономии, воли, ответственности. Таким образом, не удивительно, что индивидуализм становится необходимым условием и инструментом понимания сферы политического. Такой подход к социальному объяснению и такая методика исследования социальной реальности получили название «методологический индивидуализм».

Понятие «индивидуализм» весьма многозначно, значение его переменчиво, причём менялись не только содержание понятия, но и связанные с ним ценностные ассоциации. Например, А. де Токвиль в своей работе «Демократия в Америке» использовал это понятие для характеристики позиции, которую сам он совершенно не одобрял. Он так характеризует индивидуализм: это «взвешенное и спокойное чувство, побуждающее гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском кругу. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек перестаёт тревожиться обо всём обществе в целом» [6, с. 373]. И в наше время обвинения в адрес индивидуализма не отличаются новизной. Его порицают за то, что он способствует отчуждению людей друг от друга, не позволяет им проявлять свою истинную сущность «политических животных» и, в конечном счёте, ведёт к эгоизму и аморализму. Однако такая аргументация может быть убедительной, если индивидуализм трактовать как установку психологическую или онтологическую. В первом случае мы даём описание чувств или переживаний субъекта, во втором случае - указываем на то, какое место занимает человек в социальной структуре. Это условие часто не учитывается при критике данной позиции, когда, например, философскому либерализму ошибочно приписывается непонимание сущно-

сти социальных субъектов, абсолютизация индивидуального начала, тогда как на самом деле речь идёт не об онтологическом, а о политическом тезисе, предполагающем приоритетность интересов индивида при разработке социальных схем или принятии политических решений.

С теоретической точки зрения интерес представляет другой вид индивидуализма, который может использоваться для анализа политической субъектности. Это индивидуализм методологический. Считается, что этот термин был введён в научный оборот учеником М. Вебера Дж. Шумпетером, а затем активно использовался самим М. Вебером, в частности, в работе «Экономика и общество» (1922). При этом для М. Вебера этот подход вписывается в рамки так называемой понимающей социологии, поскольку, по его мнению, говорить о понимании можно только применительно к действиям индивида. Методологический индивидуализм понимается как объяснительная схема, в рамках которой любые общественные явления могут быть объяснены как результат мотивации или действий отдельных индивидов. В основе такого подхода можно усмотреть философию утилитаризма с акцентом на ценность интересов каждого индивида. Не случайно И. Бентам писал, что «сумма интересов отдельных членов и составляет интерес общества» [3, с. 10]. Дж. С. Милль дал одну из наиболее ясных формулировок методологического индивидуализма, которую можно назвать «социологической»: «все общественные явления суть явления человеческой природы» [5, с. 96, 797]. «Законы общественных явлений суть не что иное и не могут быть ничем иным, как только законами действий и страстей людей», т. е. «законами индивидуальной человеческой природы. Соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое...» [5, с. 798].

В современной либеральной политической философии наибольшее развитие получило именно такое толкование методологического индивидуализма – как тезиса о приоритете индивидуальных прав и интересов над интересами или ценностями группы, коллектива или государства. Если понимать методологический индивидуализм именно так, то мы получаем методологический запрет на то, чтобы жертвовать индивидуальными правами или

интересами в пользу прав или интересов коллектива, группы или государства. Такое понимание методологического индивидуализма можно обозначить как «политическое».

Вопрос о том, насколько политически ангажирован методологический индивидуализм и может ли он служить беспристрастным средством для исследования социальных сущностей и событий, требует отдельного исследования. Однако в любом случае, если мы говорим о философской полемике внутри нормативной политической философии, то именно методологический индивидуализм представляет собой нормативную основу политической философии либерализма и, таким образом, реальный объект для критики и полемики.

Каковы же основные характеристики политического индивида, его главные отличия от субъектов других типов, прежде всего правового и морального? Эту проблему нужно рассматривать в контексте некоторого общего «кризиса субъектности» или, как иногда говорят в отечественной философской традиции, «субъективности». Он проявляется не только в политической теории, но и в правовой и моральной философии. Там этот кризис вызван трудностями, которые возникают при фиксации границ ответственного поведения, а также определения субъекта перспективной и ретроспективной ответственности, т. е. при решении проблемы моральной и правовой вменяемости. Эта ситуация обостряется в ситуации конфликта частных и общих норм как права, так и морали.

Отдельная тема – «реальность» политического субъекта, причём реальность в буквальном смысле слова. В современной англоязычной политической философии весьма популярны различные версии общественно-договорной методологии. В них автор теоретической концепции может абстрагироваться от тех характеристик индивида, которые он считает несущественными для описываемой им ситуации гипотетического общественного договора, в которой гипотетические индивиды пытаются достичь рационального согласия относительно будущего общественного устройства. Иногда при этом приходится абстрагироваться от важных психологических характеристик, что может подрывать доверие читателя к предлагаемому кон-

сенсусу. Так, Дж. Ролз считал, что рациональный участник ситуации общественного договора не должен страдать от зависти, которая может помешать ему сделать рациональный выбор. Иногда приходится прибегать не только к абстракциям, но и идеализациям, чаще всего в отношении рациональности субъектов, когда постулируется самая сильная степень рациональности при принятии решений. Оппонентами такого подхода, опять же, являются сторонники «реализма», которые считают, что субъектом, достойным внимания теоретиков, может быть только реальный индивид, принимающий участие в реальной политической жизни в публичном пространстве разнообразных отношений. Этот теоретический спор нашёл, в частности, отражение в известной дискуссии между Дж. Ролзом и Ю. Хабермасом, сторонниками первого и второго подходов. Если конструкция Дж. Ролза монологична, поскольку каждый индивид проводит процесс рассуждения самостоятельно и независимо от других, то отличительная особенность дискурсивной этики Ю. Хабермаса заключается как раз в том, что она интерактивна. Обоснование норм происходит в реальном дискурсе, а не в монологической форме, не в форме гипотетического процесса аргументации, совершающегося в индивидуальном сознании.

Конечно, теоретический «кризис субъектности» можно преодолеть самым радикальным способом, вообще отказавшись от

самой субъектно-объектной парадигмы как от пережитка классических представлений. При всей кажущейся привлекательности такого решения оно связано с целым рядом издержек, связанных с необходимостью поиска нового словаря и, возможно, ослаблением требований к истинности и объективности суждений с новым «автором».

Другая возможность связана с попыткой всё же как-то зафиксировать ключевые, определяющие черты политических субъектов в современном политическом и культурном контексте. Первое и очевидное направление поиска – попытка описать различия между субъектом политическим и субъектом моральным. Одним из важных отличий, по нашему мнению, является то, что для субъекта политики необходимым условием его конституирования является способность к коллективному действию. Такая способность предполагает и переход на позицию коллективной рациональности, добровольного отказа от использования стратегии фри-райдерства ради достижения общей цели. Это нормативное требование возвращает политического субъекта в искомые моральные рамки, а политика получает шанс не только вновь стать искусством политейи, но и общественным благом (*public-good*) в его современном философско-экономическом значении – ресурсом, который обладает такими отличительными чертами, как неделимость, неисключаемость (невозможность лишить отдельного индивида права им пользоваться) и неконкурентность в потреблении.

Список литературы

1. Алексеева Т. А. «Публичное» и «частное»: где границы политического? // Филос. науки. № 3. 2005. С. 26–39.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. 176.
3. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Роспэн, 1998. 415 с.
4. Карпович В. Н. Политические обязательства как проблема философии права и философии политики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2007. Т. 5. № 2. С. 40–48.
5. Милль Дж. Система логики силлогистической и индуктивной. М.: Изд-во Лемана, 1914. 880 с.
6. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
7. Honig B. Political Theory and the Displacement of Politics. Ithaca and London: Cornell U.P, 1993. 304 p.
8. Williams B. In the Beginning Was The Deed: Realism and Moralism in Political Argument. Princeton: Princeton University Press, 2005. 174 p.

References

1. Alekseeva T. A. «Publichnoe» i «chastnoe»: gde granitsy politicheskogo? // Filos. nauki. № 3. 2005. S. 26–39.
2. Benkhabib S. Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru. M.: Logos, 2003. S. 176.
3. Bentam I. Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva. M.: Rospen, 1998. 415 s.
4. Karpovich V. N. Politicheskie obyazatel'stva kak problema filosofii prava i filosofii politiki // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Filosofiya. 2007. T. 5. № 2. S. 40–48.
5. Mill' Dzh. Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi. M.: Izd-vo Lemana, 1914. 880 s.
6. Tokvil' A. Demokratiya v Amerike. M.: Progress, 1992. 554 s.
7. Honig B. Political Theory and the Displacement of Politics. Ithaca and London: Cornell U.P, 1993. 304 p.
8. Williams B. In the Beginning Was The Deed: Realism and Moralism in Political Argument. Princeton: Princeton University Press, 2005. 174 p.

Статья поступила в редакцию 13.04.2015